

РЕБЁНОК
от подонка

ЮЛИЯ ГАУФ

Юлия Гауф

Ребенок от подонка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69510538

SelfPub; 2023

Аннотация

– Я все помню. А ты, кажется, забыл, что у тебя есть сын! Я все же не сдержалась. Не смогла гордо поднять голову, и уйти.– У меня нет сына, – жестко произнес Камиль.– А Марк? Он кто? Я его не в капусте нашла, – голос мой дрогнул, но слезы я сдержала. Обидно не за себя, а за своего малыша, который не нужен родному отцу.– А Марк – твой сын. И того, от кого ты его родила. Но точно не мой, – бросил он. – А теперь мне пора. Камиль... он просто не хочет ответственности, вот и ответ – банальный до ужаса.– Ты решил доучиться? – глухо спросила я, когда Камиль открыл дверь машины. – Здесь?– Да. Тебя что-то не устраивает?– Надеюсь, мы будем редко видеться, – я развернулась, и пошла к зданию универа, но успела услышать:– Я тоже.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	40
Глава 5	53
Глава 6	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Юлия Гауф

Ребенок от подонка

Глава 1

– Я сейчас засну, – зевнула Лера. – Когда уже закончится эта пара?!

– Еще двадцать минут, – прошептала я подруге, взглянув на телефон.

Вот зачем будущим экономистам знать про сертификаты соответствия? Где мне это пригодится? Но приходится сидеть на паре, и старательно записывать за преподом, а затем и зазубривать.

Может, нужно было академ взять? Марку всего шесть месяцев, ему я нужна – его мама. Но вместо этого сын проводит приличную часть дня с моим дедушкой, пока я сижу на парах.

– Ты чего нервничаешь? – подруга снова повернулась ко мне, заметив, что я барабаню пальцами по парте.

– По сыну соскучилась. Да и сигнализация эта раздражает, – я кивнула на окно, за которым уже минут десять оглушительно шумела придурочная сигнализация на чьей-то машине. – А еще, Лер, только пока никому. Я думаю академ

взять.

Подруга округлила глаза, но наш рассеянный обычно препод шикнул, и мы снова преданно уставились на него, делая вид, что поглощены лекцией.

Дедушка просил доучиться, помогает мне. Но пенсия у него небольшая, а я денег почти не приношу. Пособие крошечное, а подрабатывать я могу только написанием курсовых, рефератов и эссе. С шестимесячным малышом по-другому никак. Вот и живем мы как попало, хорошо хоть не голодаем.

– Это уже за гранью, – раздраженно бросил преподаватель, и подошел к окну.

А следом вскочили и мы, чтобы посмотреть, из-за чего так орет сигнализация.

– Ого! Это Tesla. Крутая тачка, – присвистнул Макс, мой одногруппник, указывая на серую литую машину.

– Хоть Tesla, хоть Запорожец, – рявкнул преподаватель. – Невозможно вести лекцию из-за этого шума. Швецова, иди, и найди владельца этой машины.

– Я? А как я его найду? – уставилась я на препода, но он лишь махнул рукой.

Вышмыгнула из аудитории, не представляя, где искать этого невнимательного автовладельца, забившего на свою шумную машину. Орет уже пятнадцать минут, а ему хоть бы что. И охранник в универе не реагирует. Неужели такой интересный кроссворд разгадывает, что не замечает шума?

– Ну и что мне делать? – прошептала я, остановившись около машины. Хозяина ожидаемо не обнаружилось, зато из окон начали выглядывать остальные студенты и преподаватели, и подавать мне какие-то непонятные знаки, которые я с трудом расшифровывала.

Я осмотрела машину, но записки с номером телефона владельца не нашла. Хотела уже плюнуть на все, и вернуться на пару – пусть охранник разбирается, или декан, или вообще ректор.

Но тут я увидела того, кто исчез из моей жизни почти шесть месяцев назад. Того, кто бросил меня с новорожденным сыном на руках. Он быстро вышел из универа, и направился прямо ко мне.

– Камиль, – выдохнула я, и он поднял на меня глаза, оторвавшись от телефона.

Только сейчас я заметила, что сигнализация больше не орет, Камиль вертит в ладони брелок. И неумолимо приближается ко мне, а у меня ноги отнялись.

– Соня, – приподнял он бровь, и кивнул мне, – ну привет. Ну привет? Я усмехнулась – в этом весь Камиль.

– Так соскучилась, что у машины меня решила дожидаться, чтобы не пропустить? – снова съязвил он, и у меня сердце оборвалось.

Раньше он не был жестоким. По крайней мере, со мной.

– Не обольщайся, – холодно ответила я. – Я даже не знала, что ты новую машину купил. Раньше у тебя был Джип.

– Раньше. Вот именно, – с нажимом произнес парень, и я поняла, что говорит он не о машине. А о том, что «мы» давно в прошлом. – Рад, что ты помнишь.

– Я все помню. А ты, кажется, забыл, что у тебя есть сын! Я все же не сдержалась. Не смогла гордо поднять голову, и уйти.

Я до сих пор не понимаю, что я упустила. Я ведь любила его, и Камиль уверял, что любит. Ждал появления нашего сына на свет, мы свадьбу планировали. Даже его родители смирились, что он не на богатенькой наследнице женится, и приняли меня.

И вот, тот, кто любовался нашим малышом, тот, кто пересчитывал пальчики на его ножках и ручках, просто бросил в один момент, что уходит от нас. Ничего не объяснил, не реагировал на мои слезы, на мои вопросы.

А я ведь бежала тогда за Камилем. Как дура бежала... больше этого не повторится. Но правду я должна знать!

– У меня нет сына, – жестко произнес он.

– А Марк? Он кто? Я его не в капусте нашла, – голос мой дрогнул, но слезы я сдержала.

Обидно не за себя, а за своего малыша, который не нужен родному отцу.

– А Марк – твой сын. И того, от кого ты его родила. Но точно не мой, – бросил Камиль. – А теперь мне пора.

Я медленно отошла от машины. Просто дар речи потеряла. Камиль говорит, что... что я изменяла ему? Но он ведь

первым у меня был, и единственным. И говорит такое?! Но зачем? Он же знает, что я верна была.

Он... он просто не хочет ответственности, вот и ответ – банальный до ужаса.

– Ты решил доучиться? – глухо спросила я, когда он открыл дверь машины. – Здесь?

– Да. Тебя что-то не устраивает?

– Надеюсь, мы будем редко видеться, – я развернулась, и пошла к зданию универа, но успела услышать:

– Я тоже.

Домой я забежала, и сразу бросилась к сыну. Марк весело булькнул, когда я подхватила его на руки.

– Руки-то мыла? – заворчал дедушка, глядя, как крепко я сжимаю сына.

А я не мыла. Обувь только скинула. Еле сдерживала слезы по пути домой, и сразу к сыну, по которому безумно соскучилась. И за которого безумно обидно.

– Сонь? Что-то случилось? – забеспокоился дедушка. – Да положи ты пацана в кроватку, хватит его тискать. Расскажи лучше...

– Я Камиля видела, – хрипло ответила я, укладывая сына. – Он в универ вернулся. Я... дедуль, я спросила его, почему он нас бросил. Снова унизилась! Но я должна была понять. А он... он...

Я опустила на ковер, и заплакала. Не выдержала. Спря-

тала лицо в ладонях, а перед глазами снова Камиль – шесть месяцев я гадала, в чем дело. Даже встречи искала, звонила... дура, какая же я дура!

– Внучка, не плачь, – дедушка погладил меня по голове, и я уткнулась в его колени, как в детстве. – Не стоят того мужчины. Но Камиль – этот парень казался мне правильным, с намерениями.

– Он заявил мне, что сына у него нет, что Марика я где-то нагуляла. Но деда, – всхлипнула я, – он прекрасно знает, что это не так! Камиль у меня единственным был! Да я даже не целовалась ни с кем, кроме него. Просто струсил, или надоело ему. Сначала беременность, потом новорожденный, вот и сбежал.

Я скривилась, силясь вызвать в себе ненависть. И даже начало получаться. Все эти месяцы меня мотало от дикой тоски по Камиллю до лютой ненависти. От надежды до разочарования. От любви до обиды. Забыть у меня не получилось, ведь как такое забудешь?!

– Сами вырастим, – строго произнес дедушка. – Марку нужна веселая мама, а не плакса. Давай, Сонечка, вытри слезы, и постарайся не думать о нем.

– Но как? Как не думать? – я судорожно вытирала слезы пальцами. – Мы же учиться будем вместе.

– Но не в одной группе, – напомнил дедушка.

– Видеться-то все-равно будем. Может, мне в академический уйти? – предложила я. – Пройду курсы первичной бух-

галтерии, и хоть деньги смогу зарабатывать. А то мы все на твою пенсию живем.

– Вот получишь диплом, Марик как раз подрастет, и ты на работу устроишься. Учись, внучка. Не бросай учебу из-за Камиля, потом пожалеешь.

Вряд ли пожалею. Но и отказать дедушке не могу. Он итак сидит с моим сыном, отдает нам всю пенсию, и просит лишь о том, чтобы я училась. А сам ночами завод охраняет, хотя ему бы отдыхом наслаждаться.

– Не брошу, – кивнула я.

– А про мажора этого забудь! – строго добавил дедуля. – Он не тебе плохо сделал, что ушел. Он себе плохо сделал. Жалеть потом будет, да годы ведь не вернуть. Уж поверь мне. Дети – самое главное, и он сам свое счастье упустил.

– Обидно мне, – вздохнула я, наконец, перестав плакать о несбывшемся. – За тебя, за себя. За сына обидно. У малыша только мы и остались.

Сказала, и тут же пожалела, видя, как погрузнел дедушка. Все ведь хорошо было еще совсем недавно. Мы с Камилем ждали ребенка, планировали свадьбу, имя выбирали. Бабушка была жива, мама с папой тоже. И все радовались, когда Марк родился здоровым, хотя роды были ужасными.

В тот день я приехала к маме с лекарствами, она как раз заболела. Папа, бабушка и дедушка были на даче. Ливень лил, как сейчас помню, жуткий. Гром, на небе будто война была. А затем у меня начались схватки...

– Снова нос повесила, – пробурчал дедушка. – Про подонка этого думаешь?

– Нет, – покачала я головой. – Вспоминаю тот день, когда Марк родился. До сих пор в ужасе. Он ведь погибнуть мог. Не в больнице появился на свет, а в обычной квартире.

– До сих пор удивляюсь, как это дочка не смогла скорую дозваться, – нахмурился дедушка. – Не в деревне ведь живем.

– Мама звонила, но вспомни, какие были потоп с ураганом, – встала я на мамину защиту. – Линия занята была, пострадавших много. Мы хотели такси вызвать, но в такой апокалипсис никто не хотел к нам приезжать. А потом стало поздно.

Я снова окунаюсь в тот день. Я уже плохо соображала от боли, с жизнью прощалась. Не готова я была рожать, мне говорили, что схватки могут длиться сутки, а у меня все так внезапно случилось, и немного раньше срока. Но тогда мне повезло. И Марик родился здоровеньким, что было последней радостью.

Затем ушел Камиль. А после этого родители с бабушкой попали в аварию. Ужасные шесть месяцев, и если бы не сын, я бы не выдержала. Сломалась бы.

Но я не сломалась, а значит, дедушка прав. Пора прекращать лить слезы, и просто жить дальше!

Утром я дождалась, пока дедушка вернется с работы, на-

кормила его, и мы с сыном собрались по магазинам.

– Пацана-то с собой зачем тащить? Оставь его мне, – предложил дедуля, но я покачала головой.

Дедушка у меня еще бодрый, но ему после бессонной ночи отдыхать нужно, а не капризничающего ребенка успокаивать. В Марке деда Паша души не чает, конечно, но пусть лучше выспится.

– Отдыхай. А мы с Мариком прогуляемся. Он снова вырос из своей одежды, – улыбнулась я.

– Дети быстро растут. Оглянуться не успеешь, а он уже и не ребенок, – хохотнул дедушка.

Да, дети растут быстро. И это счастье – наблюдать за этим. Но еще это грустно. Марик действительно быстро растет, и рано или поздно перестанет во мне нуждаться. Перестанет быть моим малышом.

– Отдыхай, – я чмокнула дедушку в щеку, а Марик весело шлепнул его ладонью по носу, на что деда Паша шутливо погрозил пальцем.

– Хулиган какой растет!

Я хихикнула, и вышла из квартиры. Усадила Марика в коляску, и мы пошли гулять, встретив у дома поджидавшую меня Леру.

Скоро Новый Год, столицу уже начали украшать к празднику, и день сегодня не морозный – самое то для прогулки. В выходной людей на улице много, завтра тоже в магазинах будет не протолкнуться, а послезавтра... послезавтра мне на

учебу.

И я увижу Камиля. Снова.

Шесть месяцев назад он буквально исчез. Бросил мне, что уходит, оставил в той квартире, которую мы снимали наедине с Марком. И я, как дура, ждала, что он вернется. День, два, три. А потом решила приехать к его родителям с вопросом, они-то и сказали, что Камиль не вернется. Уехал, а куда он уехал, мне не сообщили. Да я и не стала допытываться. Собрала вещи, и вернулась домой.

А теперь вернулся. Вот так просто, посреди учебного года восстановился на учебе, как ни в чем не бывало, и посмел бросить мне прямо в лицо, что я сына нагуляла! Подонок!

– Я видела вас вчера. Тебя и Камиля, – наконец произнесла Лера. – Что ты будешь делать? Ты поэтому про академ говорила? Знала, что он вернулся?

– Не знала. И с академом я погорячилась, – поморщилась я. – Дедушка настаивает, чтобы я диплом получила. Так что буду доучиваться. А Камиль... да пошел он!

– И ты так это оставишь? – удивилась подруга. – Будешь гордой идиоткой и дальше?

– Лер...

– Нет уж, послушай, – разбушевалась она, – гордость – это прекрасно. Не требовать признавать отцовство и алименты – это красивые жесты, но глупые. И в твоем положении непозволительные.

– Я не буду обращаться в суд, – мы перешли дорогу, и на-

правились к торговому центру. – Это унижительно – требовать признать сына, которого Камиль признавать не хочет.

– А не унижительно с копейки на копейку перебиваться? Не унижительно жить на пенсию и небольшую зарплату дедушки? И ночами писать курсовые и дипломные работы за гроши, тогда как у Камиля с деньгами проблем нет, – высказала мне Лера. – Тебе хочется, чтобы твой дед и дальше столько работал? И для сына тебе не хочется лучшей жизни? Не требуй у Камиля миллионы, но пусть сына своего обеспечит. Не ты одна Марика делала. Вместе.

Я опустила глаза. Лера впервые говорит так резко и откровенно. Раньше она просто принимала мою точку зрения, а мне казалось гадким обращаться в суд, собирать бумажки, и доказывать всем очевидное. Думала, что сама справлюсь, без помощи этого предателя. Но... но Лера ведь права. Наверное. Это не унижение, Камиль обязан не мне, а своему сыну.

– Я подумаю, – твердо произнесла я.

Лера довольно улыбнулась, а затем охнула, и кивнула вправо. И мы увидели Камиля, который шел от парковки, и недовольно выслушивал то, что говорила ему красивая, высокая брюнетка – его мать.

– Пошли быстрее, – дернула я подругу, ведь нас пока не заметили.

Но поздно. Марик весело взвизгнул, реагируя на промоутера в костюме пачки чипсов, и Камиль с Лаурой посмотре-

ли прямо на меня.

– Софья? – неприятно удивилась Лаура, и постаралась улыбнуться. – Ну здравствуй.

Глава 2

Мама рассказывала мне, что бабушка приняла ее не сразу. Долгое время не любила, не считала достойной своего сына. И подруги жаловались на свекровей, которые откровенные войны затевали.

А я поначалу радовалась, когда Камиль познакомил меня со своей мамой.

Лаура всегда была мила, ни разу не нагрубила мне, лишь расточала улыбки. Натянутые улыбки. И колола маленькими замечаниями.

– Софья, к чему такая мимика? Ты уже выглядишь старше меня, на лбу морщинки намечаются.

– Милочка, позволь совет: не смейся так громко. Ты не лошадь, чтобы ржать, а мы не на конюшне, чтобы это слушать.

– Тебя очень разнесло. Родила, и что? Ты выглядишь так, будто одним салом питаешься. Я через два дня после того, как Камилля родила, уже пресс качала. У меня тоже были тяжелые роды, и это не оправдание.

– Жаль, что Марк на Камилля не похож...

Иногда я хотела, чтобы Лаура в открытую начала скандал. Тяжелее всего слушать упреки, спрятанные под невинные замечания и добрые советы. Но, признаться, я ждала, что после

рождения Марика она смягчится. Внуков часто любят даже больше, чем своих детей.

Лаура знала, что мне пришлось рожать дома. Что моя мама принимала Марка, а мама не была акушеркой. Она бухгалтером была. И роды дались мне тяжело. Но даже по этому поводу у Лауры не нашлось сочувствия, лишь тычки и уколы.

– Добрый день, – поздоровалась я.

Камиль смотрел то на меня, то на повизгивающего в коляске сына, а Лаура глядела мне прямо в глаза. И не рвалась обнять внука. Я поморщилась, невольно вспомнив, как явилась к ней унижаться, спрашивать про Камиля, которого три дня не видела:

– Девочка, поиграли в семью, и хватит. Сразу было понятно, что это закончится. Тебе бы умнее быть, и аборт сделать, да уже поздно. Камиль? Он уехал, забудь про моего сына, занимайся лучше своим. Хочешь, дам тебе пару тысяч, тебе ведь деньги нужны?

Тогда, после этой фразы, я развернулась, и поехала в квартиру Камиля, из которой забрала наши с Марком вещи. Уехала, и запретила себе ждать того, кому оказалась не нужна.

– Он вырос, – сказала Лаура, даже не взглянув на Марка.

– Его зовут Марк. И да, он вырос. Шесть месяцев прошло, – напомнила я, и бросила взгляд на Камиля.

Он смотрел на Марика, обшаривал его взглядом, будто

ища что-то, и не находя. И выглядел злым и разочарованным, что меня взбесило.

– Нам пора, всего доброго, – кивнула я. – Идем, Лер.

– Идем... нет, стой, – возмутилась подруга. – Это же бабушка Марка, я правильно поняла? Или Камиль перешел на дам постарше?

– Я его мать, – холодно ответила Лаура, а я дернула подругу за рукав пальто, но она отмахнулась.

– Мать? Прелестно. А вы не хотите поинтересоваться, как ваш внук? Здоров ли? Всего ли хватает? А ты, Камиль, не хочешь сына на руках подержать? – Лера почти кричала, и лишь когда Марк испуганно хныкнул, она сбавила тон. – Да что вы за люди такие?!

– У мальчика есть мать, пусть она им и занимается. К нам Марк никакого отношения не имеет. Но это, кстати, не ваше дело, – бросила Лаура.

– Все, Лер, идем. Да идем же! – дернула я подругу, она резко развернулась, и мы, наконец, вошли в торговый центр. – Не стоило скандалить.

– Может, и не стоило, – пробурчала подруга. – И это уж точно не мое дело, но у меня мама через такое прошла. Бабушка ее лимитой называла, с отцом рассорила, и меня знать не хотела. Лишь когда постарела, когда болеть начала, обо мне вспомнила. Сейчас все зовет в гости, квартиру обещает, а мне не надо. Мне бабушка нужна была в детстве. Эти, – Лера качнула головой, – такие же. Подавай, подруга, в суд.

Миллионов с них не срубешь, но ты должна о сыне подумать, и им нос утереть. И прекратить молчать, как лохушка! Сво- лочи они.

Я тяжело сглотнула. Лера считает, что мне не стоит тер- петь, и она права. Но когда дело касается Марка, меня такая обида охватывает, что я не могу ругаться. Ком в горле стоит. Кажется, скажу слово, и расплачусь. А унижаться я больше не хочу, хватило мне.

– Соня, – вдруг услышала я за спиной окрик. – Подожди!

Я остановилась, но не обернулась, спиной чувствуя при- ближение Камиля.

КАМИЛЬ

– Соня. Подожди! – крикнул, отбежав от матери.

Стоит. Замерла, не двигается. Как в нашу первую встречу. Я заметил ее сразу же, первого сентября, на первом курсе. Соня шла в светлых джинсах, из-под которых выглядывали розовые носки с зайцами, на которые я и засмотрелся. Неде- лю из головы выбросить не мог, пока не подкараулил, и не окликнул.

Тогда она также замерла.

Добивался ее, любил, как невменяемый. Ее одну видел. Плюнул ведь на мать и отца, в один голос твердивших, что мы – не пара, что она со мной ради денег, и что мне само- му надоест быть примерным парнем. Мне с Соней хотелось быть, каждый день в ее глаза смотреть.

– Что ты хочешь? – она обернулась, и взглянула на меня устало.

Черт его знает, что я хочу. Может, потрясти, как следует, и правду выбить? А почему, собственно, и нет?

– Ты правду мне не хочешь сказать?

– Какую правду, Камиль?

– Чей он? – кивнул на коляску, а самого внутри корежит.

Сын. Радовался ведь, как кретин, что у нас малыш будет. Пофиг, что нам лет мало, от любимой ведь! Жениться уговаривал, а Соня все смеялась, что не хочет с пузом белое платье надевать. Потом, после. Как родит.

– Генетически он наш с тобой, а по факту – мой, – зашипела Соня. – Ты достал уже меня унижать. Хочешь, чтобы я в суд обратилась? Они тебе предоставят бумажку, что Марк от тебя.

– А ничего, что он от Руслана? – я почти заорал это, и рывкнул надоедливой Лере: – Уйди.

– От Руслана? От твоего друга из баскетбольной команды? – нахмурилась Соня, и выглядела такой искренней в своем удивлении. – Он же умер, как я слышала, а ты... ты бредишь. Я виделась-то с Русланом всего пару раз.

Я бы поверил ей с радостью. Если бы мне кто-то сказал, что видел Соню с Русом, я бы поговорил с ней, и поверил любому объяснению. Нашел бы оправдание.

Но я итак слишком долго был кретином.

Слушал о похождениях Руса, которые он мне рассказывал

в насмешку, как я сейчас понимаю. Что в той же пятиэтажке, в которой жила мать Сони, у Руслана есть телка, с которой они видятся редко. Она несвободна, и это добавляет в постель огня – так он говорил. Что парень у нее лох, который очевидного не видит.

Я слушал все это, но не сопоставлял. Мало ли девушек может жить в родном доме Сони? Она-то со мной. Только-только забеременела. Уже потом, ближе к Сониным родам, Руслан с отвращением сказал, что его телка тоже скоро родит, и никто из них не знает, от кого именно – от Руслана или от «лоха».

Но и тогда я ничего не понял.

Понял лишь когда Марка купал. Соня все еще слабой была, хотя неделя с родов прошла. Я мыл сына, и увидел на его бедре родимое пятно в форме звезды. Таким же хвастался Руслан, что оно у них в семье передается. Удивительная редкость, но лучшая родовая метка. Да я и сам в раздевалке видел это пятно. Такое же необычное. Такое же...

Вот тогда я и понял все. И увидел, наконец, что Марк на меня не похож ни капли.

Изменяла, предавала, врала. До сих пор врет!

– Да, Соня. От Руслана. Хватит уже врать!

– Камиль...

Черт, не признается ведь. По глазам вижу, снова вид оскорбленной невинности приняла, а это Соня делать умеет. Ушел тогда, чтобы не убить ее, я бы не сдержался. Оторвал

от себя ее руки, пытающиеся меня удержать, и свалил. Наверное, зря вернулся и сейчас.

– Если тебе нужны деньги, – оборвал я ее, – я могу помочь, правда. Содержание назначу на... него, – указал на спящего ребенка, и быстро отвернулся от Марка. – Только прекрати врать, что он мой. Лучше просто молчи, если бабло нужно. Вижу же, что нужно.

Наверное, это лучший вариант. Я разузнал, что у Сони с деньгами совсем туго, и какое горе у нее в семье случилось. Согласится, перестанет попадаться мне на глаза, и натравливать неадекватных подружек, которые готовы стоять с плакатами, на которых будет написано, что Марк – мой.

Но Соня сжала ладони в кулаки, сузила глаза, и прошипела:

– Ну ты и сволочь, Кам! Да, деньги мне нужны, а вот подачки – нет. И знаешь, что? – голос ее дрогнул, щеки покраснелись, и я, ненавидя себя, любовался ею. – Я подаю в суд!

СОНЯ

Лишь когда я выпалила то, что пойду в суд, только тогда я и окончательно решила, что так и сделаю.

Хватит с меня уже. И не только в деньгах причина, знаю я, что с алиментами можно мухлевать, и в итоге я буду получать на Марка копейки. Тут в другом дело – в бесконечном унижении, в том, что и мне, и сыну в любой момент могут

бросить, что Марк нагулянный.

– Что? Какой суд? – к нам подошла Лаура. – Соня, тебе в суде ничего не светит. Не позорься, и...

– Мама, уйди, – зло бросил Камиль. – Это тебя не касается.

– Не касается? Имя нашей семьи будут полоскать, и меня это не касается? – возмутилась Лаура, а я развернулась, и пошла к подруге.

Решено, иду в суд! Пусть делают тесты, пусть обяжут Камилля признать Марка. Знаю, что от этого для меня много мороки будет. Слышала от подруг, как бывшие из вредности не дают разрешение на вывоз ребенка из страны, пугают, что отнимут родительские права... но, наверное, лучше я потерплю все это, чем выслушивать про то, что я спала с Русланом, которого видела-то раз пять.

А ведь Марик подрастет, и до него могут дойти эти гадкие сплетни. И этого я не допущу.

– Я слышала, что ты в суд собралась, – спокойно произнесла Лера, и я кивнула.

– В понедельник.

– Молодец.

Я криво улыбнулась. Мне не приносит удовольствия молчание, но и решение с судом далось мне тяжело, и не радует.

– Слушай, – прошептала подруга, – а Марик точно от Кама? Он так уверенно говорил. Может...

– Не может, – покачала я головой.

– Не обижайся. Бывает же, что вечеринка, все гуляют, и... ну, всякое бывает.

– Я не пью. И измену я бы запомнила, – спокойно ответила я. – Мне стыдиться нечего. Я не изменяла, и сына от Кама родила. Получит он свою бумажку, и пусть катится к черту.

Главное – не плакать, просто не плакать. Деда Паша прав, Марку нужна нормальная, а не истеричная мама.

– Соня, – снова окликнул меня Камиль. – Сонь, давай поговорим.

– Уйди от нее! – рявкнула Лера.

Мы обернулись. Лауры не видно, наверное, Камиль отправил ее по магазинам, или она передумала устраивать шопинг. Но хорошо что мне не придется терпеть ее.

– Лер, можешь немного с Мариком погулять?

– Ты уверена?

– Хочу услышать, что он мне скажет, – кивнула на приближающегося Камиля, и подруга молча забрала у меня коляску.

– Ну давай поговорим, – улыбнулась я через силу.

Я старалась не вспоминать, как сильно любила Кама, но невольно отмечала, что в нем изменилось. На шее он добил тату, немного раздался в плечах, загорел. Наверное, в южной стране отдыхал, пока я нашего сына растила, и родных хоронила.

Мы, сели за столик в зоне фудкорта, и Кам произнес:

– Сонь, хватит блефовать насчет суда. Тебя саму это под-

ставит.

– Мне нечего скрывать.

– Ладно, – у Камиля вырвался болезненный смешок, – раз ты так уверена, что Марк от меня, давай проведем тест, и установим это.

И не нужно тащиться в суд. Тест – хорошее решение, и только я хотела согласиться, как мне пришла в голову мысль, что меня дурят. Гордеевы миллионами ворочают, что им подкупить лабораторию? А признавать Марка они не хотят. Сдадим анализы, и я получу ровно тот результат, который оплатит семья Камиля.

Нет уж. Судьи, и аккредитованные лаборатории тоже не безгрешны, но там больший шанс получить правдивый результат.

– Суд, Камиль. Теперь только так, – жестко ответила я. – Тест ты должен был предложить, когда засомневался в отцовстве.

– Я не засомневался, я точно понял, что Марк не мой. Он не похож на меня ни капли, родимое пятно от Руслана, да и слышан я о ваших встречах, – скривился Камиль. – А с судом... Сонь, хватит блефовать, цену себе набиваешь? Сколько ты хочешь, назови сумму!

Не похож? Марик? А форма подбородка, а глаза, изгиб губ? Я каждый день смотрю на сына, и вижу в нем Камиля, но тот говорит – не похож?!

– Ты странно боишься суда, – прищурилась я. – Так не хо-

чешь сына признавать? Не волнуйся, ваши миллионы я требовать не буду. Как и мешать тебе устраивать свою жизнь. Еще раз повторяю: не было у меня ничего с Русланом. Не было! А родимое пятно... Боже, чушь какая. И не нужно подсовывать мне свои деньги, пускай суд решает.

Камиль грохнул кулаком по пластиковому столику так громко, что окружающие нас студенты и семейные пары с ворохами пакетов вздрогнули, и притихли.

– Не было ничего, говоришь? – прорычал он. – Мне Рус частенько рассказывал, что встречается с несвободной девушкой. Жаль, что часто видеться не удается. Ты как раз ездила мать навещать, вот и пользовались моментом, да? Хватит уже из меня идиота делать, я все знаю.

Это уже слишком. Я поднялась из-за стола, и взглянула на Кама:

– Ты сам из себя идиота делаешь. Руслан погиб, мама погибла, но они бы подтвердили, что ты зря обо мне так думаешь. Камиль, – я глубоко вздохнула, чтобы не раскричаться, или не расплакаться, – мы могли бы просто поговорить тогда. Сомневался в моей верности? Разузнал бы все, и выяснил бы правду, пока Руслан был жив, и было с кого спрашивать. Сделали бы тест. Я бы обиделась, но простила бы. Ты сейчас из пальца высасываешь, в чем бы меня обвинить по одной простой причине: сын тебе не нужен, и я тоже. И я бы это пережила, если бы не твои обвинения. Разговор окончен, в понедельник я иду в суд подавать иск.

Я развернулась, и почти бегом ринулась на второй этаж.
И в этот раз меня никто не догонял.

Глава 3

– Ты уверена? – спросил дедушка, когда я собиралась в универ.

Я собрала в папку все документы, которые у меня были, чтобы после пар поехать в суд. И сейчас тискала Марка на прощание. Интересно, все мамы испытывают такую же вину, как я, когда оставляют ребенка на половину дня?

– Уверена, деда. Кам предложил тест ДНК, но, может я сериалов пересмотрела, – я чмокнула сына в пухлую щечку, – мне кажется, что Гордеевы могут купить нужный результат. Мне ведь только казалось, что меня приняли. На самом-то деле – нет. Я для них никто, Марик тоже. Камиль... не знаю, может, он и правда верит в то, что говорит. Но он не сказал мне все сразу, ждал почти шесть месяцев. Сам себя накрутил, сам убедил, а по прошествии времени любая ложь кажется правдой. А может, он и сам в это не верит, просто любит меня унижать. А мне казалось, что он меня любил. Ошибалась.

– Да нет, любил, – нахмурился дедуля. – Просто любовь дается авансом, ее нужно суметь обратить в более глубокое чувство. У парня не получилось. Но ты правда уверена, что готова пройти через все это? Говоришь, что Гордеевы тебя унижают, но в суде могут еще сильнее унижить.

– Это если бы Марик был не от Камиля, – парировала я. – Мне же суд ничем не грозит.

– Кроме нервотрепки, упреков от Гордеевых и экспертиз. Но смотри сама, Сонечка, я тебя поддержу. Просто подумай, готова ли ты ко всему этому.

Я кивнула. Готова или не готова, но я это сделаю.

– Люблю тебя, солнце мое, – звонко чмокнула сына на прощание, и заставила себя отдать малыша бабушке.

– Избалует парня своими нежностями, – привычно проворчал дед Паша, но я лишь рассмеялась, и выскочила из квартиры.

Марку я признаюсь в любви даже чаще, чем признавалась в любви плакату с Заком Эфроном, будучи подростком. Мама меня любила, но никаких признаний, никаких объятий я от нее не получала. А мне хотелось всего этого, но неловкость всегда побеждала. С Марком этого не будет. Я научу сына не стесняться своих чувств, научу их принимать, научу любить этот мир.

А Камиль... именно сейчас мне стало его жаль. Даже обида прошла на мгновение. Мне от сына на пару часов уйти тяжело, чтобы не пропустить что-то важное, а Камиль ушел навсегда. Пропустит и первые шаги, и первое слово. Первый рисунок, первое сентября, первую влюбленность. Все пропустит.

Дурак.

– Хм, ты чего так светишься? – с подозрением спросила

Лера, когда мы привычно устроились за третьей партой. – Я думала, ты будешь трястись, как кролик, и напугаешь меня опухшими красными глазами и растертым носом.

– А я не плакала, – подмигнула я.

– Передумала, что ли?

– Наоборот. Убедилась, что поступаю верно.

Лера покачала головой, удивляясь моему приподнятому настроению, и я ее понимаю. Сама от себя не ожидала. Наверное, когда находишься в неведении, когда колеблешься, и думаешь только о проблемах – ты подавлен. А когда понимаешь, что ни в чем не виноват, и хочешь защитить и себя, и ребенка – тогда и приходит освобождение. И именно тогда ты можешь испытать каплю жалости к своему врагу.

Первая пара прошла спокойно, вторая и третья тоже, и я даже забыла, что могу в коридорах встретить Камиля. На четвертой паре я выступила с презентацией, показывая часть исследования, которое пойдет в статью для научного журнала.

– Соня, могу тебя поздравить, – Анна Николаевна подозвала меня к себе после последней пары. – Стипендия учебного совета почти у тебя в кармане. Декан похлопотал за тебя. Заседание будет после сессии, и в январе, думаю, мы тебя обрадуем. Но не забывай, ты должна отлично учиться, заниматься исследованиями, и...

– Участвовать в общественной жизни университета, – привычно договорила я за Анной Николаевной, а сама едва

не начала танцевать от радости, в уме подсчитывая еще не полученный деньги.

– И не только. Ты не должна быть замечена ни в каких скандалах. Ты – девочка хорошая, но я должна тебя предупредить. Не выкладывай фото задницы в инстаграм, не устраивай дебошей, как некоторые твои однокурсницы. И стипендия твоя.

Где я, и где скандалы?

Я радостно кивнула, и вышла из римской аудитории. Сейчас в суд, потом домой. Пусть дедушка поспит, и я обрадую его, что скоро со всеми надбавками я буду получать двадцать пять тысяч рублей, а еще ведь подработки. Для Москвы не так уж много, но жить мы будем лучше.

– Соня, – Камиль ждал меня на крыльце университета, стоял рядом со стендом, и наблюдал, как устанавливают елку, – не передумала насчет теста ДНК?

– Я в суд, – повертела в руках папку с документами. – Не хочу получить липовый результат, проплаченный твоей мамой, уж прости.

– Черт, упертая ты. Даже странно, неужели сама веришь, что пацан – мой? – усмехнулся Камиль, и сбежал по крыльцу. – Ну поехали.

Камиль, как в старые времена, остановился у крыльца, и протянул мне руку, явно пародируя Джека из Титаника. И я чуть было не вложила свою ладонь в его, но вовремя себя одернула.

– Поехали в суд. Мне теперь самому интересно, чем все это закончится.

– Сама доберусь...

– Да идем уже, – Кам взбежал на пару ступенек, схватил меня за руку, и волоком потащил к парковке. – Или ты думаешь, я тебя в лес отвезу, и там закопаю? Садись.

Он кивнул на открытую дверь своей машины, и перегородил мне путь, ясно давая понять, что не отпустит.

– С тебя станется, – я села в машину, обнимая папку с документами.

– Плохого ты обо мне мнения, – Камиль быстро обошел машину, и сел за водительское. – Даже обидно.

– Ах, прости, пожалуйста, – состроила я рожицу. – Ты же не способен на дурной поступок!

– Ну... я тебя точно не отвезу в лес, как в сказке Морозко.

Я замолчала, отвернувшись к окну. Если пару часов назад я почти не вспоминала про Камиля, отпустила обиды, то сейчас мне не только душевно больно рядом с ним. Даже физически невыносимо. Прошлой зимой мы также сидели в машине, меня часто мучил токсикоз, и Камиль просто катал меня по городу. Мне от этого легче становилось. Мы останавливались у парков, у ледяных статуй, выбегали и фотографировались.

Неужели той влюбленной, вечно смеющейся и вешающейся на Камиля девушкой была я?!

– Сонь, хватит строить из себя обиженку, – жестко произ-

нес Камиль, разрывая тишину.

– Я имею право обижаться, странно, что ты этого не понимаешь. Представь, что ты живешь в идеальном мире, – горько начала я, вспоминая те события, – любишь, радуешься появившемуся на свет малышу, и в один момент все рушится. Ты же просто ушел, не сказал ничего. Не объяснил. Я одна осталась, понимаешь ты это, или нет? Поверил в какие-то гнусности, и бросил меня наедине с ребенком. Мама погибла, папа, бабушка... тебя рядом не было, Камиль, и я имею право не просто обижаться. Мне тебя в кровь избить хочется! Так что не смей мне указывать, строить ли мне из себя обиженку, или нет.

– О как! – Камиль остановил машину у районного суда. – Так и я жил в идеальном мире. Отмахивался от родителей, от друзей. Пропускал мимо ушей рассказы Руса о «зарезервированной одним лохом телке», с которой видится на Полтавской тридцать пять. Кивал на его слова, что телка залетела, и они не уверены, от кого именно...

– Телка – это я?

– Видимо, – спокойно кивнул Камиль. – А потом я родимое пятно разглядел, и все стало на свои места. Очень уж оно своеобразное, такое же, как у Руса. Уж прости, что не вел с тобой беседы, но смысла в них я не увидел. Предала? Поймали? Имей совесть не отпираться.

Непрошибаемый!

– А в суд я подаю почему, как думаешь? Потому что со-

мневаюсь, чей ребенок? – спросила я хриплым от обиды голосом. – Если бы я тебе изменяла, как думаешь, стала бы я затевать все это?

– Не знаю, Соня. Я не знаю, что у тебя в голове творится.

Я вышла из машины, отметив про себя, что прошлая мне больше нравилась. Эта какая-то... не знаю, будто Кам купил ее, чтобы девчонок снимать. И Боже мой, меня это все равно задевает.

– Вот и узнаем, Камиль. Твою матушку ожидать? – я оглядела пространство, ожидая увидеть Лауру, и Гордеева-старшего с полком адвокатов.

Камиль засмеялся, поравнялся со мной, и взял за руку. Мы оба застыли от этого жеста, и Кам медленно убрал свою ладонь с моей, в которую я тут же переложила папку с документами.

– Я не сказал матери про суд. Отцу тоже. Не бойся. Но еще есть время передумать, и не затевать этот цирк.

– О нет, – покачала я головой. – Билеты куплены, зрители расселись по местам, артисты готовы. Без цирка мы уже не обойдемся.

Мы с Камилем сидели перед помощником судьи с составленным иском. Молодой парень со следами от недавно излеченной угревой сыпи выглядел недовольным:

– Мать здесь, предполагаемый отец здесь. Камиль Маратович, вы отказались урегулировать вопрос установления от-

цовства во внесудебном порядке?

– Я предлагал провести тест ДНК, – пожал Кам плечами, и помощник судьи уставился на меня своими рыбьими глазами.

– В суд следует обращаться, когда установить отцовство в добровольном порядке невозможно.

– Не только, – нахмурилась я. – Вот мое дополнительное заявление к исковому. Я не доверяю Гордеевым, мне нужна аккредитованная лаборатория, и судебное решение.

– Соня уверена, что наша семья всемогуща, и мы способны купить любой результат, – едко произнес Камиль.

– И не без оснований, – парировала я. – Напомнить, как ведет дела твой отец?

Неприятно все это. Угрожать, объясняться, бумажками трясти. Лаура пока не знает, но вряд ли от нее получится долго скрывать тот факт, что я подала на ее сына в суд. Да Камиль сам пойдет, и расскажет! Не стал пока говорить, так как надеялся, что я успокоюсь. А Лаура и Марат... да что они мне сделают?! В очередной раз убедятся, что Камиллю не стоило со мной связываться, и все.

– Хорошо. Оплатите госпошлину, вот реквизиты, – помощник судьи провел по столу пальцем, двигая ко мне чуть истрепанный клочок бумаги, но Камиль перехватил его.

– Я оплачу. Вам распечатать, или можно на почту выслать чек?

– Платите онлайн, укажите этот электронный адрес, – па-

рень постучал по монитору компьютера, к которому приклеена бумага с напечатанным электронным адресом, и Камиль уткнулся в телефон.

Я же покачала головой. До чего я докатилась? Может, скоро превращусь в скандалистку, которая будет звонить и кричать в трубку: «Алименты не пришли. Что, снова в суд хочешь?» Может, не поздно все отыграть назад?

Это же я и Камиль. Мы не могли до такого дойти. Иски, суды, пошлины...

– Ваше заявление будет рассмотрено, мы вас уведомим. Если ответчик не явится на заседание, оно будет перенесено, – помощник судьи недовольно взглянул на Камилу. – Не советую тратить наше время, из какой бы вы ни были семьи.

– Молчи, чепушила, – зло рассмеялся Камиль, и я живо вспомнила, как он реагирует на неосторожные слова – кулаком по носу.

– Кам, пойдем, – я вцепилась в его плечо, и потянула за собой, глядя на наливающегося красным помощника судьи. – Кам!

– Я позабочусь о том, чтобы судья принял ваше заявление, гражданочка, – с нехорошей улыбкой обратился ко мне помощник. – Всего доброго!

Мы вышли из кабинета, и Камиль рассмеялся:

– Соня, ну ты и паникерша!

– А если бы он отказался принимать иск? Ты этого доби- вался? Чтобы нас выгнали? – напустилась я на него.

– Ну не выгнали же. Зато теперь этот помощничек явно на твоей стороне, – улыбнулся он. – Пошли, до дома подброшу.

– Сама доеду, – отмахнулась я, и полезла в карман, чтобы достать вибрирующий смартфон. – Да, привет, Артур.

Камиль оперся спиной о стену, не спеша уходить, а я стояла у скамьи, на которой лежала моя сумка и папка с документами.

– Мне эссе задали, ты заказы берешь? В четверг нужно сдать, а я ни в зуб ногой. Заплачу пять тысяч, – предложил Артур.

Мой постоянный клиент, так сказать. Мне перманентно нужны деньги, и когда впервые Артур предложил за обычный реферат три тысячи, тогда как с других я брала пятьсот, я его поправила. Но он все равно заплатил три тысячи. Всегда зачем-то дает гораздо большую сумму. Как и сейчас. Эссе за пять тысяч?

– Артур, ты снова завышаешь.

– Так мне же срочно. Возьмешься, Сонь?

– Конечно, возьмусь. Ты мне в ватсап скинь информацию, – ответила я, и не думая отказываться, и вопросительно посмотрела на недовольного Камиля, который и не подумал оставить меня одну.

Стоит, смотрит, сдвинув густые брови.

– Спасибо, Сонь. И, – Артур замешкался, прокашлялся, и выдал: – Может, погуляем?

– Артур...

Я растерялась. Артур из параллельной группы, и он прекрасно знает, что у меня маленький ребенок. Да все вокруг знают! И про Марка, и про кинувшего меня Камиля. И про то, что гуляю я до магазина, или в парке с коляской, а не в клубах и барах.

– Просто погулять, – перебил он. – Малыша с собой беру, я мелких люблю. У меня мать на старости лет сдурела, и сестру мне родила. Они с твоим Марком ровесники, кстати. Давай, Сонь, соглашайся! Не все же время за книжками сидеть.

Не знаю, что бы я ответила, не стой рядом Камиль.

Артур – симпатичный. Балбес, конечно, но обаятельный и красивый балбес. Вот только я, как дура последняя, никого, кроме Камиля не видела. Даже на одноклассников не смотрела, хотя тогда с Камом еще знакома не была. Мне нравилось считать, что я одного его ждала.

Пенелопа, блин.

Ждала, и дождалась.

Мне казалось, что оба парня ждут мой ответ, хотя вряд ли Камиль слышал, о чем спросил меня Артур. Да и какое Каму дело? Раз бросил, значит не нужна. Я могу хоть каждый день с новым парнем гулять, ему то что?

Когда на руках маленький ребенок, не до романов. На уме детские болячки, деньги, учеба, но... но нужно ведь и жить начинать! Так что я улыбнулась, и произнесла:

– Я согласна, давай встретимся. Спишемся в ватсап, и до-

говоримся о месте... свидания?

– Супер, Сонь! Давай договоримся о времени, а место я выберу сам. Любишь сюрпризы? – обрадовался парень.

Сюрпризы я ненавидела, но ответила:

– Обожаю сюрпризы.

Глава 4

– Я же сказала, что меня можно не ждать, – заметила я, и вернула телефон в карман.

– Пошли, – зло бросил Камиль, и посмотрел на меня так, что стало понятно – не отделаться.

Он всегда был настойчивым, особенно когда добивался меня. Но Камиль понимал значение слова «нет». Сейчас, видимо, забыл.

– Кам...

– Довезу, заодно обсудим дальнейшее, – он снова взял меня за руку, и потащил по коридору.

Никто из посетителей суда не удивился. Подумаешь, злой парень и недовольная девушка. Здесь счастливые не ходят, вот и мы не выбиваемся из общей массы.

Камиль своего добился, и в свою навороченную машину, которую я отчего-то возненавидела, он меня посадил. Можно было бы заупрямиться, и устроить скандал, но смысла в этом нет. Он непрошибаемый, а я просто устала сегодня, чтобы продолжать препираться.

– Что ты хотел обсудить? – спросила я, когда мы выехали на шоссе. – Только не говори, что мы снова будем говорить о Руслане, его родимом пятне, и моей измене! Больше я эту тему обсуждать не стану.

– У меня тоже нет такого желания, – холодно ответил Камиль. – Сонь, ты говорила, что тебе сложно, что я, такой подлец, бросил тебя в сложный момент. Но все твои беды, как я вижу, не мешают тебе по мужикам таскаться?

Что?

Что???

– Это не твое дело!

– Свидание, – с отвращением выпалил Камиль. – Ты не охренела случайно?

– Это просто прогулка, – зачем-то сказала я.

Черт меня дернул при Камиле с Артуром разговаривать. Логика твердила, что ему уже плевать на меня, но внутри я все же надеялась. Нет, не на ревность, а на то, что ему неприятно станет. Пусть знает, что я его не жду, что прошлое осталось в прошлом.

Но такого я не ожидала.

– Снова врешь, Соня! – прошипел он. – Я слышал слово «свидание».

– Да, Камиль, хорошо, – раздраженно произнесла я. – Свидание, да! И что? Тебя это не касается... больше. Мы расстались с тобой, я иду дальше.

– Нет, ни на какое свидание ты не пойдешь, – мы почти летели по чертовому шоссе, и я мечтала, чтобы нас гаишники остановили.

– Камиль, очнись! Ты живешь своей жизнью, а я живу своей. То, чем я занимаюсь или не занимаюсь – это мое дело.

Мое! Больше не твое, понимаешь? – я старалась говорить терпеливо. – Не понимаю, с чего ты так взбесился. Будто ревнуешь.

Камиль, к моему ужасу, на пару секунд закрыл глаза, и я тут же вцепилась в его плечи. Идиот! Кто так ведет себя на дороге?!

– Не ревную. И ты права, – хрипло произнес он, – можешь делать то, что сама хочешь. И идти на свидание. Я просто беспокоюсь за тебя.

– Да ладно? – умилилась я.

Надо же, Камиль вдруг решил обо мне побеспокоиться. Вот так новость!

– Ты назло мне решила пойти на свидание с каким-то чмошником, явно чтобы меня задеть. Не стоит, Сонь. Мало ли, что у него на уме. Лучше с сыном время проведи, – Камиль сбавил скорость и, наконец, перестал срывать на мне свое настроение.

– У тебя раздутое самомнение, – холодно отбрила я. – Я согласилась на свидание, потому что сама этого хотела, а не для того, чтобы тебя позлить. Не весь мир вокруг тебя вертится.

Я скривилась. Очень похоже на Камиля, а я даже на секунду решила, что он ревнует. Но нет, просто уязвленное самолюбие. Как я и предполагала. Не факт, что я бы согласилась встретиться с Артуром, не стой рядом Камиль. А может, и согласилась бы, кто знает? Но именно то, что Кам рядом

стоял, и помогло мне понять – вот он, рядом, но уже не мой. Умом понимаю это, а сердцем – нет. Я будто все еще несвободна, не имею право смотреть на других парней.

Да, в душе я несвободна, и нужно себе помочь. Встречусь с Артуром, не обещая большего. Может, он мне понравится? Может, я вообще влюблюсь?!

Хоть бы!

– Ладно, иди куда хочешь, – в голосе Камилля я услышала раздражение. – Артур... Сафронов, да?

– Да.

– Хмм, ясно. Ну что ж, удачного свидания тебе, – странным голосом произнес Камилль, и я с подозрением взглянула на него.

Но нет, вроде он успокоился.

У него и раньше бывали вспышки ярости, агрессии, и Лаура, которая на людях любила строить из себя идеальную мать, разрешила Камиллю жить отдельно с шестнадцати лет. Вернее, не разрешила, а просто сняла ему квартиру. Ее пугало поведение сына, да и меня тоже.

Я к спокойствию привыкла, к сдержанности. В Москве разных людей хватает, но мне почему-то не встречались агрессивные, всегда готовые влезть в драку. А потом мне встретился Камилль, и я каким-то чудом всегда умела его успокоить и заземлить. Даже сейчас получилось, хотя я не старалась его уговорить.

– Спасибо, – сказала я, когда Кам довел меня до дома. И,

повинуясь глупому порыву, спросила: – Может, хочешь на Марика взглянуть?

Кам посмотрел на меня, и в его взгляде я прочла дикую смесь возмущения, сомнения и даже обиды.

– Я... я видел его уже. В торговом центре, – глухо ответил он, и я резко отстегнула ремень безопасности.

Ну я и идиотка! Зачем предложила?!

Хотя, нет, не идиотка. Не ради Камиля, а ради Марка спросила. Вряд ли, конечно, Камиль захочет с сыном общаться, но если решит проводить с ним время – я препятствовать не стану. Мне бы хотелось, чтобы у Марка был отец, пусть и на пару часов в неделю.

– Я пойду.

– Сонь, – остановил он меня, – я про аварию узнал, когда вернулся. Не знал, что ты родителей потеряла. Как ты?

Как я? Ужасно. До сих пор больно, и, кажется, боль эта не уйдет. Время не лечит, ведь я каждую секунду помню, что никогда больше не увижу маму и папу. И это самое «никогда» пугает до ужаса. Мы так и не сказали друг другу, что любим, не дарили друг другу объятия, столько всего не успели, и никогда уже не наверстаем.

Ненавижу слово «никогда».

– Я справляюсь. Дедушка помогает.

– Привет ему. Хотя, – Кам усмехнулся, – думаю, он не обрадуется моему привету, и скажет, чтобы я засунул его себе...

– Именно туда, – перебила я. – Да, деда Паша – не твой фанат, Кам.

– Слушай, Сонь, если нужны деньги, я могу помочь, – произнес Камиль, и снова показался мне самым родным человеком на свете – тем, кто отгонял кошмары, мучившие меня в первом триместре; тем, кто баюкал до утра в своих объятиях; тем, кого я любила как сумасшедшая.

Но через пару секунд все стало на свои места.

– Я буду помогать тебе. Знаю, что нуждаешься. Просто давай прекратим эту хрень с судом, это не нужно никому из нас.

– Обойдусь, – я не смогла сдержать разочарования в голосе, и выскочила из машины.

Откупиться решил. Боже, как же обидно.

У дома собралась толпа, и я заметила это только сейчас.

– Соня, да не психуй ты, – Камиль выбежал из машины. – Я готов просто помочь... вот черт, Сонь...

Я почувствовала запах гари, и услышала, наконец, вой сирены. Подняла голову на наш дом, и поняла, почему во дворе толпа. Горит квартира. Наша квартира, где...

– Марк, – с ужасом выдохнула я, и начала расталкивать соседей локтями.

– Стой, идиотка! – меня удерживают, не дают пройти. – Соня, мать твою...

– Там Марк!

Легкие наполняет дым. Будто я сама в горящей кварти-

ре, задыхаюсь, горло кровотоцит. Взгляд мечется, выхватывает отдельные кадры – взволнованные лица людей, которые смотрят то на меня, то на наш дом. Дом, где мой маленький сын и пожилой мужчина. Единственные, кто у меня еще остался в этой жизни.

– Пусти,пусти меня! – кричу, царапаю сомкнутые на моей талии ладони, и Камиль, а это он, шипит.

– Стой здесь. Соня, слышишь? Стой здесь, я сам, – он разворачивает меня к себе, трясет так сильно, что зубы стучат. – Соня, поняла меня? Ты стоишь здесь, и ждешь. Ответь!

– Поняла, – кивнула нервно, и Камиль отпустил меня.

Вбежал в подъезд, отмахиваясь от окриков моих жалостливых соседок.

А я высматриваю в толпе дедушку. Мои крики было слышно, если бы он вышел из дома, то он бы подошел. И Марика бы отдал... Боже мой, если с ними что-то случится, я тут же замертво упаду, просто не вынесу!

Звуки сирены еще ближе, я стою на морозе, и вдыхаю запах гари. В глазах от ужаса темнеет – как они там? В квартире пожар, не выбраться, всюду дым, я как наяву вижу эти кадры.

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, – шепчу, как безумная, и смотрю на дверь подъезда, стараясь не моргать. Слезы текут по щекам, меня кто-то обнимает, но я не понимаю, кто именно. Картинка смазанная, в фокусе лишь распахнутая железная дверь подъезда. – Боже, прошу, умо-

ляю...

Я обещала стоять, и ждать, но их нет – Марка, дедушки, Камиля. Я не нужна здесь, я там нужна. Как я могу стоять спокойно, когда мой ребенок там, в огне? И я стряхиваю руку со своего плеча, и чью-то куртку, бегу к подъезду, скользя сапожками на раскатанном детворой льду.

Бегу, и вижу, как Камиль тащит приволакивающего ногу дедушку, и каким-то чудом удерживает Марка.

– Марк, – прорыдала, и выхватила малыша, лицо которого почему-то накрыто мокрой тряпкой, и прижимаю к себе.

Живой, плачет надрывно, но живой!

– Укутай его, одевать его некогда было, – Камиль кашляет, дедушка сидит на снегу – потерянный, губы трясутся.

– Держи, – Кам протянул свою куртку, и я начала заворачивать в нее Марика. – Он мокрый, я на тряпку плеснул воду из графина, и к носу прижал, чтобы легче дышать было. Иди к машине, Сонь.

Я кивнула, но ногами пошевелить не смогла, застыла. Сирена совсем рядом, за спиной крики соседки:

– Тушите скорее, сейчас до моей квартиры дойдет!

– Соня, к машине, живо! – отрывисто заорал на меня Камиль, и я более-менее пришла в себя. Развернулась, ища Джип Камиля глазами, но вспомнила, что у него новая машина.

– Тише, милый, сейчас в больницу, и домой, – зашептала сыну.

Вот только дома, кажется, больше нет. Вряд ли дотла все сгорело, а может, и дотла. Но возвращаться некуда, только если к Лере напроситься. В голове глупые мысли: дома фотографии Марика остались, его первая распашонка, как я без всего этого? Как?

– Садись, – Камиль открыл передо мной дверь, и я села на переднее сидение. Обернулась, и увидела, как Камиль усаживает деду Пашу на заднее сидение. – Вот документы, Сонь, ты уронила. Сейчас в больницу поедем.

– Прости, Сонечка, – прохрипел деда Паша. – Не знаю, что случилось, пацана покормил, и у телевизора задремал. Проснулся от дыма, хотел выйти, а ноги отнялись. Прости, внучка!

Дедушка почти плачет, а я если бы могла, сказала бы, что не виню. Вот только я, если хоть что-то скажу, заплачу, и не остановлюсь.

– Все будет хорошо, – резко бросил Камиль. – Живые, и хорошо. Главное, что живые. Сонь, все в порядке?

Кивнула, и продолжила покачивать Марка, который успокоился гораздо быстрее всех остальных. Притих, чувствуя родной запах, не плачет, смотрит на меня, и мне в его глазах осуждение видится.

Меня рядом не было. Суд, алименты... да пошло бы оно все! А если бы мы задержались? Если бы Камиль не решил меня подвезти, что тогда?!

– Спасибо, – прошептала я. – Камиль, спасибо тебе.

– Все хорошо, Сонь, успокойся. И не благодари.

Как не благодарить, если я второй раз чуть не потеряла своего ребенка? Сегодня из-за пожара, а в день его родов из-за дождя и собственной глупости.

Я смотрела на спокойное, даже серьезное личико Марка, и пыталась себя успокоить. И мне вспомнился дождливый июньский день, в который я впервые увидела своего сына.

– Сейчас их осмотрят, тебя пусть тоже врач глянет.

– Я-то в порядке, – отмахнулась, а в руках пусто. Сына не хватает.

Мне сказали, чтобы не мешала, и выставили прочь. Хотя раньше я всегда в поликлиниках рядом с Марком была.

– Сонь...

– Я правда в порядке.

Просто снова страшно. Как и в тот день, когда Марк родился, а я все, что могла, сделала не так. У Камиля была стажировка, он мотался с нее на учебу, и обратно. Мы тогда решили отделиться от семей, и свою создавать, ни на кого не рассчитывая. Старались. Я сдала сессию заранее, мне на встречу пошли, и дома сидела. За столом напротив окна, за которым несмотря на день все было черным-черно.

Живот тянуло с самого утра, но это были не схватки... наверное. Наверное, не схватки, как я тогда думала. И поехала к маме – лекарства привезти, еды наготовить. Добралась на такси, и дождь начался, когда я в подъезд заходила.

Я любила дождь, мне становилось уютнее. И когда я гуляла под зонтом, и когда дома сидела, и слышала, как барабаны по стеклам капли. А в тот день жуть накатывала.

Я у мамы планировала провести совсем немного времени, но время тогда будто остановилось. Мама лежала на диване, а я рядом сидела, и понимала, что быстро я не уеду – ливень разыгрался кошмарный. Видны были только потоки воды, водопады.

– Кам, насчет суда, можем назад отыграть, – оторвалась от разглядывания своих ладоней, и взглянула на парня. – Ты не хотел судиться, а я добро помню, и тебе обязана. Завтра съезжу в суд. Ты ведь уверен, что Марк не твой?

– Да, – тихо ответил он.

– Тогда суда не будет.

В глазах потемнело. Также, как в тот летний день. Будто свет приглушили, на минимум поставили. Только тогда я вскочила от испуга, чашка из ладоней выпала, и мама проснулась. А у меня воды отошли, живот словно огненное кольцо сжало.

Меня готовили к тому, что роды – не самое приятное событие. Что схватки могут быть болезненными и долгими. А я тогда уверена была, что умираю. Что ни сына, ни Камиля я больше не увижу.

– Детка, в городе кошмар творится, – испуганно тараторила мама. – Ураган. Пострадавших много, погибших. Вызов приняли, но сказали, чтобы быстро не ждали. Что же делать?

– Платную скороую вызывай, – простонала я.

Но и платные были заняты. Никто не отказывался приезжать, вызов принимали, но не ехали. А меня от боли разрывало. Мама посоветовала ходить по квартире, и дышать. Сгибаться, упираясь руками о спинку стула, а я не могла. Ничего не могла, даже думать. Просто хотела, чтобы все это закончилось.

– Такси тоже не приедет, Сонь. Что мне делать? – мама плакала, а я начала кричать.

Свет был включен, но он мигал. То загорался, то угасал, а я отключилась. И в себя приходила урывками. До сих пор не понимаю, что было настоящим, а что – бредом от боли и шока.

– Это уловка? – спросил Камиль. – Насчет суда.

– Нет. После всего, что случилось, я не хочу воевать с тобой.

Если бы не Кам, думаю, я бы лишилась своей семьи. К черту суд. К дьяволу все!

– Но ты продолжишь твердить, что он мой?

– Он твой, но говорить об этом я больше не буду, – устало отмахнулась я, и услышала плач Марика, которого вынесла медсестра, и передала мне в руки.

В тот день я пришла в себя, услышав плач ребенка. За окном было светло, на окне блестели капли дождя, мама сидела на полу у кровати, и плакала. Она помогла принять Марика, сумела, хоть и испугалась тогда.

– Повезло, что одна из наших соседок домашние роды за-
теяла, – всхлипывала мама. – А то скорой нет, такси нет, ин-
тернет не работал. Я по этажам носилась, надеялась, что хоть
кто-то поможет. И в тридцать пятой акушерку нашла. Она
говорила, что духовная акушерка какая-то, но тебе помогла.
Я сама только полотенца таскала, и воду. Камиля я набрала,
он скоро приедет. Может, даже раньше, чем скорая.

Камиль приехал раньше, да. Зацеловал меня, отругал, над
Марком ворковал... а потом бросил. Но сейчас-то помог!
Пусть не считает Марика сыном, но жизнь он ему спас. И я
должна отплатить ему.

– Сонь, к черту все. Суд, так суд, – поморщился Камиль. –
Пусть все идет своим чередом. Не отзывать иск.

– Значит, ты сомневаешься в своей правоте?

Камиль пожал плечами, и встал при виде идущего к нам
врача.

– Павла Яковлевича придется оставить здесь, – сказал он
нам, и обратился к испуганно ахнувшей мне: – Переживать
не стоит, но сами понимаете, возраст, испуг, стресс. Так до
инсульта недалеко. Минимум сутки мы должны понаблюдать
за его состоянием. Приезжайте завтра, вам нужно отдохнуть.
Отправляйтесь домой.

Глава 5

КАМИЛЬ

– Камиль, спасибо тебе еще раз. Правда, не знаю, что бы я делала, если бы не ты. Даже не ожидала. Я... я, наверное, вечно тебе обязана буду...

Соня снова взялась благодарить меня, и мне заорать на нее захотелось. Так громко, как смогу. Она иного ожидала? Что я буду стоять, как дебил, и ждать, пока Марк и Павел Яковлевич задохнутся?

Хорошего она обо мне мнения.

Уже раз десять поблагодарила, и не унимается. И это бесит именно из-за удивления, которое проскальзывает в ее голосе. Соня и правда не ожидала от меня ничего хорошего.

– ... и ты подумай насчет суда, я правда готова...

– Ты правда готова, но я уже сказал. Иск подан, суд будет, – отрезал я, и Соня отпрянула испуганно. – Дьявол, прости, Сонь. Но хватит уже. Ты еще на колени грохнись передо мной! – вздохнул, поморщился, и добавил: – Надеюсь, ты поняла, что это шутка.

Она кивнула, и даже удержалась от того, чтобы поблагодарить меня и за то, что я купил для Павла Яковлевича полотенце, зубную щетку с пастой и прочие мелочи. Но хорошо хоть не обиделась за то, что голос повысился.

Другие, кто до Сони был, все губы надували из-за моего характера. Чуть что, они сразу в слезы, а Соня не такой оказалась. Я ору, она подойдет, обнимет. Другую бы оттолкнул, а с Соней так не мог. Сразу успокаивался, затихал.

Наверное, потому и приперся всего спустя шесть месяцев. Мать дикий скандал устроила, да и отец тоже – стажировку мне организовали в Японии на год, и я там не дурию маялся, впахивал. Для карьеры полезно, но... не выдержал. Как в гребаном бреду купил билет домой, и выдохнул когда в столице приземлился.

Соня отошла, Марка привычно удерживает одной рукой, хотя он тяжелый уже. Другой рукой телефон к уху прижала:

– Лер, спасибо. Мы не долго гостить будем, пару дней. Потом что-нибудь придумаю. Я даже не знаю, какой ущерб, и какой предстоит ремонт. Скоро приедем.

– Куда? – спросил, когда Соня нажала на отбой.

– К Лере. Мне нужно где-то у центра жить, чтобы поближе к универу, нашей квартире и больнице, – пояснила Соня. – В хостел с ребенком я не хочу, а стандартный номер не потяну. Лера приютит. Она, правда, обещала кинуть клич по одноклассникам, – Соня чуть поморщилась. – Ребята у нас неплохие, и могут скинуться, с деньгами выручить. Я пока не знаю, готова ли к этому. Наверное, готова, они от чистого сердца же.

Чтобы Соня попрошайничала? Жила приживалкой у этой ненормальной Леры, на которой клейма негде ставить?!

– Я помогу. И к Лере ты не поедешь. Пошли, отвезу тебя к себе.

– Нет, к Лере, – нахмурилась Соня, и покачала головой.

– Тогда в отеле сниму номер, – предложил, и Соня категорично заявила:

– Нет.

– Тогда точно ко мне, – пожал плечами. – И деньги не вздумай ни у кого просить, я помогу.

– Камиль...

– Сонь, ты сама-то подумай, – перебил ее. – Тебе нужно учиться, а пока ты на учебе, ребенка с кем-то оставлять. Ты доверишь Марка матери твоей Леры? А я могу свою няню позвать, сама знаешь, мы с ней до сих пор общаемся, она мне гораздо ближе матери. Я на машине, тебе нужно и в больницу ездить, и квартиру нужно будет посмотреть, с ремонтом решить. Ты уверена, что справишься, если останешься у Леры? И ты точно думаешь, что одноклассники смогут дать тебе достаточную сумму денег, и тебе этого хватит?

Пока говорил, я вывел Соню из здания больницы, и повел к парковке.

– Кам, я не думаю, что брать деньги у тебя – хорошая идея, – вздохнула она. – Не хочу потом выслушивать, знаешь ли.

– От кого? От меня? Я хоть раз тебя деньгами попрекал?

– От Лауры.

– Ее это не касается. Все, Сонь, едем ко мне, – усадил их

с Марком в машину, и сел за руль.

Марк проснулся, захныкал. Я до сих пор помню его голос. Неправда, что все младенцы плачут одинаково. И внешность, и голоса у всех разные. Марк плачет, а мне хочется уши зажать, чтобы не слышать. И вообще не думать об этом ребенке, которому радовался, как идиот.

Соня сняла с Марка шапочку, и я обратил внимание на его волосы.

– Надо же, черные, – удивился я.

– Потихоньку темнеют. Вырастет брюнетом, – довольно ответила Соня, и добавила: – Как и ты. Вы очень похожи. Губы, глаза...

– Сонь, не начинай, – отмахнулся, и она и правда замолчала.

А я украдкой посмотрел на Марка. Может, правда, похож? Может же такое быть, что произошло совпадение, даже с родимым пятном этим. Может, Соня правду говорит, и Марк – мой сын?

СОНЯ

Камиль привез нас в ту же квартиру, в которой мы жили раньше.

Здесь я провела всю беременность. Сюда Камиль забрал нас из роддома. Отсюда он ушел от меня. И из этой же квартиры я сама уходила в слезах. Уверена была, что навсегда. Что больше порога не переступлю, но вот, я, Кам, и Марк

снова здесь.

И всем, кроме Марика, неловко.

– Давай я съезжу за вещами для вас. Памперсы для ребенка, все такое, – сказал Камиль, избегая смотреть мне в глаза. – Ты иди в спальню. Я здесь, на диване лягу.

Он кивнул на вторую комнату, которая должна была быть детской. И была. Там стояли колыбель, пеленальный столик, на потолке сверкали звезды, и всюду были игрушки. Я скинула обувь, и заглянула в детскую, которая больше не детская.

Даже стены перекрашены. И ни колыбели, ни звезд, ни хоть какого-то следа пребывания здесь нас с Марком.

– Мама, – пояснил Камиль, заметив, как я оглядываю комнату.

Геймерское кресло, два огромных монитора, диван и низкий столик рядом.

– Лаура постаралась, – через силу улыбнулась я, но в спальню не пошла. Ее Лаура вряд ли переделывала. Да и спальня та вполне обычная, типовая. Большая кровать, светлые стены, напротив кровати плазма, справа окно, слева шкаф с зеркальной поверхностью.

Но я до сих пор помню, как мы с Камилем валялись в обнимку на той кровати. Смеялись, любили, делились друг с дружкой самым важным. Как я буду там спать?!

– Я поехал.

– Закажи через интернет, – попросила я, не желая оста-

ваться в этой квартире одна.

Плывать, буду эгоисткой, но по магазинам Камиль не поедет.

– Доставка может быть долгой.

– Мне страшно, Кам. Не уезжай, – тихо сказала я, надеясь, что на него это подействует.

Я редко просила Камилля сделать так, как нужно мне. Но когда просила, он шел навстречу. Кроме того случая, когда я бежала за ним, и просила объяснить, предлагала поговорить, сказать хоть что-то. Тогда он даже не обернулся.

– Хорошо, я останусь, – кивнул Камиль, и я улыбнулась с облегчением.

Марк заснул, но его нужно искупать, накормить. Переодеть тоже было бы неплохо, он дымом пахнет.

ДЫМОМ...

Я всхлипнула, и Камиль вышел из комнаты, которая раньше была детской ко мне в коридор. Посмотрел на нас с Марком, а я... черт, я себя приبلудой ощутила. Вроде и не спрашивалась к Камиллю, он сам предложил, но почему такое чувство, что я как ненужная собака? Ее гонят, а она все-равно обратно приходит.

– Я в ванную, – хрипло произнесла я.

– Сонь, у тебя руки дрожат. Может, как успокоишься, будешь ребенка купать? И... Соня, скажи, чем помочь, ладно? Я сам не знаю, что делать сейчас.

– Все в порядке, сына я не уроню. Все хорошо, Камиль, –

шмыгнула я носом, развернулась, и открыла дверь в ванную.

Салфеток нет, одежды тоже. Камиль прав, многое нужно купить, а завтра я съезжу домой, и посмотрю, что уцелело. И оценю масштаб трагедии. Может, тогда руки и перестанут дрожать.

Я раздела сына, и Марк сонно улыбнулся. Знает, что предстоит купание, и любит плескаться в воде, на шум которой и отреагировал.

– Вот, Сонь, – тихо произнес Камиль у меня за спиной. – Родимое пятно.

– Я же сказала, что больше не буду с тобой спорить.

– Я не хочу спорить, я хочу понять, – сказал Кам, я потрогала воду, и посадила в нее Марика. – Взгляни внимательно на пятно...

– Я на него каждый день смотрю, – перебила я. – Когда Марку месяц был, я с врачом советовалась. Очень уж форма странная. Но сказали, что не патология.

– У Руса такое же. И тоже на бедре. Пятно в форме звезды.

– А ты уверен? – подняла я голову на Камиля. – Ты так часто своего приятеля голым видел, серьезно?

– В раздевалке видел с голой задницей пару раз в неделю, – пожал плечами Камиль.

– Хорошо, пятно, – кивнула я. – Кам, скоро я сама поверю в то, что изменяла тебе с этим Русланом.

– Не передергивай. Я просто хочу все выяснить, – Камиль сел на край ванны, и не отрываясь, смотрел, как Марк пле-

щется в воде, тихо повизгивая от удовольствия.

– Я не была ни с кем, кроме тебя. Клянусь. И... ты говорил, что Марк на тебя не похож, но разве это так? – провела пальцами по личику сына. – Смотри, разве не похож?

Камиль не ответил. Продолжил изучать взглядом сына.

Я так пытливо смотрела на Марка, когда нас везли в роддом в машине скорой. Марк лежал у меня на груди, мама сидела рядом, а Камиль поехал за сумкой, которая давно была собрана. А я изучала своего ребенка, и не верила, что выдержала те страшные часы. Они и правда были жуткими, но они того стоили.

– А почему другая девушка не поехала в роддом? – спросила я маму.

– Не знаю. Она... наркоманка вроде, – поморщилась она. – Тебя сейчас в отдельную палату положат, Камиль договорился.

Я кивнула, и легонько поцеловала сына в чуть красноватую щечку. Мы с Камилем давно обсудили то, что роды пройдут в частной клинике, и пару дней я проведу в отдельной палате с лучшим уходом. И я была рада, но в тот момент мне захотелось банального общения с такой же, как я. Особенно с девушкой, которая тоже родила ребенка в подобных условиях. Надеялась, мы вместе поедем, и хотела даже попросить Камиля, чтобы он договорился насчет клиники и для нее. Чтобы мы вместе были.

Подружились бы, хвастались своими детками.

– Жаль, – сказала я тогда.

Сейчас мне вспомнилось это. И то, что я так и не узнала, что это за девушка. Я даже готова была пошутить, что наших деток подменили, чтобы Камиль уgomонился. Но я ведь рожала одна, ехала одна, и в больнице была одна в палате. Уж я бы заметила, если бы на осмотр унесли одного ребенка, а принесли другого.

– Не знаю, – пробормотал Камиль.

– Что не знаешь?

– Может, и похож, – Камиль нагнулся над ванной, протянул руку к шлепающему руками по воду Марку. Хотел дотронуться до него, но в последний момент отдернул руку.

– Насчет суда...

– Он будет, – отрезал Камиль.

Я вздохнула. До всех этих событий я была настроена решительно. Не верит, что Марк от него? Пускай суд разбирается! А сейчас, после того, как Кам спас дедушку, Марка, после того, как нам помог и не бросил в беде, судиться с ним – подлость. Сейчас, думаю, можно договориться решить вопрос мирно.

– Ты предлагал тест ДНК, – осторожно заметила я.

– И ты меня послала.

– Если Лаура не узнает, если ты пообещаешь ее не вмешивать, то давай просто проведем этот тест? – предложила я. – С судом пока повременим. Завтра можем съездить в клинику, и вы с Мариком сдадите... не знаю, что там? Кровь, во-

лосы, ногти? Главное, чтобы это между нами осталось. Прости, я твоей семье не доверяю.

– Думаешь, мать и правда может подкупить результаты? – усмехнулся Камиль. – Ладно. Завтра съездим, и сдадим анализы. Я заплачу, чтобы в ускоренном режиме устроили все это. Я уже не знаю, во что верить.

– А во что ты хочешь верить? – с глупой надеждой спросила я.

Камиль окинул меня взглядом, выпрямился, и вышел из ванной, так мне и не ответив.

Заснула я очень поздно. Почти под утро. Вечером доставала деду Пашу своими звонками. Камиль оставил ему один из своих мобильных. Я просто подсакивала на кровати от накатывающего ужаса, что пока я здесь, он в больнице, и мало ли...

Доставала, и достала. Дедушка посоветовал мне не маяться дурью, утомила я его.

Потом я просто не могла заснуть из-за воспоминаний. Столько ночей мы на этой кровати провели вместе с Камилем, а сейчас как чужие. Он спит в детской, которая больше не детская, а его кабинет. Я здесь, с ребенком, которого Кам не признает.

В конце концов я отключилась, раздраженная на саму себя.

И проснулась, когда еще было темно. Всего через час после того, как заснула. Марк раскапризничался, и начал пла-

кать. Кроватка новая, все пахнет незнакомо. Вечером он вел себя тихо, а сейчас оглушал своим криком и меня, и, подзреваю, соседей.

– Ну что ты, маленький, – я ходила по комнате кругами уже второй час, укачивала сынишку, а он не хотел успокаиваться.

Покормила, померила температуру, спела все знакомые песенки, и уже сама готова была зареветь.

– Марк, маленький, нужно спать. И тебе, и маме, – прижалась губами ко лбу, испугавшись, что градусник наврал, и сын заболел, но нет. Температуры нет, сын здоров, просто капризничает.

Но раз ребенок плачет, значит, что-то не так. Он же не может сказать, что у него что-то болит. Вот и показывает это так, как может – плачем.

– Сонь? – в комнату заглянул Камиль. – Что-то случилось?

– Прости, что разбудили. Уже восемь, наверное, в больницу поеду.

– Он заболел? – Камиль нахмурился, отошел от двери, и приблизился к нам. – Вчера Марка осматривали, он был здоров.

– Я уже ничего не знаю, – голос дрогнул, Марк снова заревел, и я продолжила его укачивать.

Такое я уже проходила.

В первые дни после родов Камиль сам возился с сыном, я

мало вставала, слабость была ужасная. Боялась поднять сына на руки, и уронить из-за дурноты. А потом, когда Камиль ушел, Марк не успокаивался на моих руках. К нему привык больше, чем ко мне. И мы просто плакали вместе. Марк у меня на руках, и я.

– Сонь, ты вообще спала? – Камиль медленно поднес ладонь к сынишке, я думала, что снова отдернет ее, но он все же приложил ее ко лбу Марка. – Лоб нормальный, температуры нет. А в клинику мы итак скоро поедем, они с девяти работают. Анализы сдадим.

– Хорошо... да, спала, – после паузы ответила я. – Ты иди, я постараюсь сына успокоить.

Камиль развернулся к двери, а я прижала личико плачущего ребенка к своей груди, и ужаснулась – как я собирать буду в клинику? Завтракать, опять же? Марк всегда был капризным, тихим минутам мы с бабушкой радовались, как чуду. Но сегодня сын не капризничает, а скандалит. Раньше мне дедуля помогал, я успевала и в душ сходить, и позавтракать. А сейчас...

– Дай его мне, – Кам развернулся, подошел ко мне, и протянул руки. – Иди, кашу свою любимую приготовь. Я вчера продуктов заказал. Да не бойся, дай Марка мне, ничего я ему не сделаю!

На лице Камиля не было никакого умиления, или даже желания держать сына. Он через не хочу мне это предложил, но ведь предложил. И... черт, да он и правда зла Марку не

причинит. Камиль бывает грубым, невыносимым. Эти его частые хамские выпады в сторону людей, которые не так на него посмотрели, или что-то не то сказали, меня пугали. Как и драки. Но детей он не обижал.

– Держи. Голову аккуратно, придерживай, ладно? Марк когда скандалит, он вертится, и может себе навредить.

Я передала Камиллю сына, убедилась, что он правильно его держит, и Кам закатил глаза.

– Ну что застыла, Сонь? Иди уже! Умывайся, завтракай. Я не ел ничего, вроде натошак все эти анализы сдают. С ребенком справлюсь. Справлялся же в первое время.

Я вышла из спальни, и быстро зашла в ванную. Даже когда я Марка с дедой Пашей оставляла, я нервничала. Всегда нервничаю, когда сын не со мной. А сейчас тем более. Вдруг это из-за дыма, вдруг врачи плохо посмотрели, и сын отравился, потому и скандалит?!

Я быстро ополоснулась, умылась, и заглянула в спальню. Камиля и Марка там нет. Обнаружились они на кухне, и Марк... молчал. Но и не спал. Камиль одной рукой удерживал сына, и наливал чай по чашкам, а Марик внимательно следил за каждым его движением.

– Ты как это сделал? – устало спросила я. – Признавайся, Камиль! Запрещенка? Гипноз? Я не осуждаю, если что, но поделись секретом.

– Просто я спокойный, а ты – нет. И ребенок это чувствует. Зайди я через минуту, и застал бы вас обоих в истерике.

ке, – хмыкнул Кам. – Покачал пацана, и попросил его быть потише.

– И он тебя понял? – скептически изогнула я бровь.

– Умный парень, вот и понял. Если бы я ходил, тряс его, и надрывно успокаивал, то Марк бы продолжал концерт, – довольно произнес парень, насыпал в чай сахар, и начал медленно помешивать чай ложкой. – Любопытный парень растет, – заметил он, и кивнул на то, как внимательно Марк следит за моей чашкой чая, о которую Камиль лязгает ложкой.

– Давай его мне.

– Сиди уже, чай пей, завтракай, и поехали. Матери я не сказал про клинику, так что не беспокойся.

Я быстро выпила сладкий, как я люблю, чай, собралась, и одела Марка. И мы поехали в клинику.

– Вы с Лаурой стали очень близки, – заметила я, когда мы подъезжали к «МедПрофи». – Помню, сколько сил я тратила на то, чтобы ты ей не грубил.

– Мы не близки. Все по-прежнему. Мать водителя уволила, и я пару дней ее катал, – пояснил Камиль. – И за эти пару дней она меня достала так, что мы пару раз чуть не разбились. Эй, спокойно, видишь, я нормально веду!

Я рассмеялась, и мимоходом удивилась, что мы нормально разговариваем.

И Камиль, хоть и не был доволен тем, что нужно будет Марка успокаивать, с видимым удовольствием возился с ним на кухне, пока я чай пила, и собиралась. Может... может, все

наладится?

Раньше я думала, что если Камиль все осознает, и вернется, я его не прощу. Буду бить словами, отомщу. А сейчас... сейчас я склоняюсь к тому, что все достойны второго шанса. Если о нем просят, если показывают, что сожалеют об ошибке, и готовы исправиться.

– Приехали, – Кам остановил машину, и внимательно взглянул на меня: – Готова?

– Да, – уверенно ответила я, и мы вышли из машины.

Глава 6

Три дня прошли... странно, пожалуй.

Все было так, как раньше. Иногда я даже забывала, что были эти жуткие шесть месяцев в моей жизни. Камиль рядом, сын рядом, мы живем вместе. Кажется, что я закрою глаза, открою их, и увижу маму с папой, бабулю, и расскажу им всем о дурном, затянувшемся сне.

Они посмеются, бабушка погладит меня по голове, и шепнет, что сны на то и сны, чтобы иногда пугать.

Утром Камиль отвез нас с Марком к бабушке.

– А ты не хочешь зайти? – спросила я у Кама, который остался в коридоре.

– Я-то ему зачем?

– Думаю, дедуля будет рад тебя увидеть. Но смотри сам, – улыбнулась, и вошла в палату.

Здесь уютно, но все же, не дом. Хотя, деда Паша устроился удобно. Сидит на кровати с каким-то мужчиной в возрасте, а между ними шахматная доска.

– О, какая красавица, – незнакомец поднял на меня глаза. – Да еще и с мальчуганом. Твои, Яковлевич?

– Мои-мои. Потом доиграем, – бабушка встал с кровати, подошел ко мне, и я поцеловала его в щеку.

Дверь за спиной еле слышно хлопнула.

– Друга нашел? – я начала разбирать пакет, и ставить гостинцы на стол, пока дедушка возился с Марком.

– Здесь с ума сойти можно. Бесконечные процедуры, осмотры... меня зачем-то в соляную пещеру таскали.

– Ничего, восстанавливайся, – проворчала я.

Снова укол совести. Дедушку лечат, но сейчас я вижу, как он сдал. Ногу до сих пор приволакивает, голову странно держит. Пожар дорого ему обошелся, но все началось задолго до него. Дедуля уставал, с работы домой, где тоже не до отдыха было. С младенцем возиться – так себе отдых, а Марк у меня – тот еще скандалист, и успокоить его – целая история.

Дедушка даже не мог себе позволить выйти во двор с теми же шахматами, и поиграть с каким-нибудь старичком.

– Подрос, малец, – дедушка пощекотал живот Марка, и тот довольно взвизгнул. – Скоро меня обгонит. А отец его где?

– В коридоре.

– Я здесь, – услышала я, обернулась, и увидела стоящего у двери Камиля.

Вошел, все же.

И на отца Марка откликнулся.

Я кивнула, отвернулась от него, и начала наливать дедуле сок. А сама улыбалась при этом, надеясь, что никто не видит. Камиль здорово мне помог, мы почти неразлучны в эти дни. Вместе ездили в клинику, где у них с Мариком взяли анализы. Вместе ездили ко мне домой, где все оказалось не

так страшно. Да, ремонт предстоит, но воображение рисовало мне образ пепелища, а это не так. Пара недель, и можно возвращаться.

Ремонтников Камиль тоже нанял. Окно вставит, разбухшую от воды деревянную дверь уже поменяли на новенькую сейфовую.

А самое главное, что Камиль больше не сторонится Марка. Медленно, постепенно, но он привыкает к сыну, принимает его. Смотрит внимательно, выискивает в малыше что-то, и Бог знает, находит ли? Но вчера вечером, когда я была в душе, и Камиль приглядывал за сыном, я видела, как он его поцеловал.

И именно из-за всего этого я извинилась перед Артуром, и отказалась от прогулки.

Из-за надежды. Пусть меня обзовут бесхребетной, жалкой терпилой, но я надеюсь, что все наладится. Только бы Камиль признал, что был не прав. Только бы извинился, и я прощу!

– Результаты-то когда? – дедушка привычно подкинул Марка, охнул от хруста в кости, и Камиль тут же перехватил сына. Я даже испугаться не успела. – Ох, кажется, больше с пацаном в карусель не поиграю. Тяжеловат он для меня стал.

– Ничего, вылечитесь, – Камиль прижал к себе ребенка, и Марик начал изучать ладонями его лицо.

– Так что с результатом?

– Ты рассказала? – шепнул Камиль, и я кивнула. – И он

не вышвырнул меня вон за то, что сомневаюсь в тебе?

– Я старый, но не глухой, – проворчал деда Паша. – Раз сомневаешься, то тест на отцовство – правильное решение. В Сонечке я уверен, не гулящая она, вот и ты убедишься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.